

Научная жизнь

ТАК ЧЬЯ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ИДЕЯ?*

Дж. Холт

“Вообразим следующую явно вымышленную ситуацию... Предположим, что Гедель на самом деле не был автором геделевской теоремы о неполноте. На самом деле доказал эту теорему человек по имени Шмидт, чье тело много лет назад было найдено в Вене при таинственных обстоятельствах. Его друг Гедель каким-то образом завладел рукописью, и впоследствии ему было приписано ее авторство... Поэтому, поскольку человек, открывший неполноту арифметики, на самом деле был Шмидтом, мы, говоря о Геделе, на самом деле всегда указываем на Шмидта. Но мне кажется, что мы не делаем этого. Мы просто не указываем... Многим из вас этот пример покажется очень странным...”

Эти слова были произнесены Солом Крипке в аудитории Принстонского университета 22 января 1970 г. Двадцатидевятилетний профессор философского факультета Рокфеллеровского университета читал вторую из трех запланированных лекций. Эти лекции он читал, не имея никакого написанного текста, даже набросков. Они были записаны на магнитофон, расшифрованы и вскоре опубликованы под названием “Именованное и необходимость” (“Naming and necessity”, Harvard, 1980). Эта книга стала эпохальным событием в истории современной философии. Она “поставила аналитическую философию на уши, – писал Ричард Рорти в “Лондонском книжном обозрении” (“London Review of Books”). – Одни были в ярости, другие воодушевлены, а остальные озадачены”. Лекции Крипке дали начало тому, что теперь называется *новой теорией указания*,

* Статья опубликована в журнале “Lingua Franca” (February 1996).

революционизировав используемые философами языка способы рассуждения о проблемах значения и истины. Эти лекции повлекли за собой сотни журнальных статей и диссертаций, посвященных “возможным мирам”, “твердым десигнаторам”, и “апостериорной необходимости”. Это привело к весьма перспективному возрождению аристотелевской доктрины сущностей. И кроме того, эти лекции сделали их автора, к тому времени уже культовую фигуру среди логиков, образцом современного философского гения, – это положение было закреплено газетой “Нью-Йорк Таймс”, поместившей сияющий лик Крипке на обложке одного из воскресных выпусков за 1977 г.

А теперь, если угодно, представим следующую явно вымышленную ситуацию. Предположим, что Крипке на самом деле не был автором новой теории указания. Всю эту работу проделала женщина по фамилии Маркус (для пущей правдоподобности назовем ее Руфь Баркан Маркус), которая, во плоти и крови, все еще прокладывает таинственные траектории по кампусу Йельского университета. В 1962 г. молодой Крипке посетил лекцию Маркус, в которой она изложила свои ключевые идеи, а почти десятилетием позже он представил в значительнейшей степени разработанную версию этих идей, не отдав при этом должного Маркус. Впоследствии эти идеи были приписаны Крипке. Поскольку человек, открывший новую теорию указания, – это на самом деле Маркус, постольку при упоминании имени Крипке мы подразумеваем Маркус. Так ли это?

Многим эта история может показаться странной. Тем не менее именно такую историю преподнес философ по имени Квентин Смит огромной аудитории на конференции Американской философской ассоциации, проходившей в Бостоне. Только для Смита, профессора Университета Западного Мичигана, эта история не была каким-то вымыслом. Она была правдой.

Когда Смит держал речь перед бостонской аудиторией, это было похоже на философскую версию притчи о Давиде и Голиафе: выскочка, 43-летний профессор из второстепенного университета Среднего Запада пытается переписать интеллектуальную историю и поставить под сомнение репутацию человека, которого Роберт Нозик назвал “гением нашей профессии”. Философский мир впервые узнал об обвинениях Смита осенью 1994 г., когда представленная им на конференцию статья под названием “Маркус, Крипке и происхождение новой теории указания” попала в список принятых докладов. Но задолго до этого на философских сайтах в Интернете появилось множество сообщений, что кто-то намерен

обвинить великого Сола Крипке в плагиате, – это следовало из реферата к докладу Смита и его названия.

Само обсуждение доклада состоялось 28 декабря в “Мариотт-отеле” в Бостоне. Это не был особенно поучительный спектакль. Баркан Маркус, в защиту которой выступал Смит, не присутствовала. Не было там и Крипке. По этой же причине в зале не было многих его принстонских коллег (их отсутствие было истолковано одними философами как знак солидарности с Крипке, а другими – как подозрительный отказ поддержать коллегу). И все же чувствовалось присутствие принстонских аспирантов, прерывавших Смита (“Это Маркус подвинула вас на это?” – завопил один враждебно настроенный участник) и демонстративно покидавших аудиторию, по мере того как Смит в деталях излагал обстоятельства “исторического непонимания”, которое привело к тому, что Крипке были приписаны идеи, на взгляд Смита, принадлежавшие Маркус. “С точки зрения истории философии, – провозгласил Смит, – устранение недоразумения в данном случае не менее важно, чем устранение в гипотетической ситуации мнения, что вся платоновская теория форм принадлежит Плотину”.

Озадачивающие заявления Смита не остались без ответа. Ответчиком выступил Скотт Сомс, молодой философ языка из Принстона, которого публика рассматривала как философского киллера, посланного департаментом Крипке (на самом деле его попросили комментировать доклад Смита на конференции уже после того, как пара других философов отказались сделать это). “Моя задача сегодня необычна и не очень приятна”, – начал Сомс, готовый отразить “бесстыдные” инсинуации в адрес Крипке, обвиненного в интеллектуальном воровстве. Он облил презрением утверждение Смита о том, что Крипке узнал основные положения новой теории указания от Маркус, поначалу не поняв их, а затем, освоив их, ошибочно принял за свои, после чего и вся философская общественность была введена в заблуждение. “Если и можно рассматривать эту ситуацию как скандальную”, – заключил Сомс, – то ее скандальность заключается в том, что такому небрежному и некомпетентному обвинению оказано такое доверие”.

Но этим дело не кончилось. Согласно правилам Американской философской ассоциации докладчик имеет право ответить комментатору. Смит воспользовался этим правом и дал ответ на 27 страницах (не считая сносок), который по объему был сравним с его докладом вместе с комментариями Сомса. “Я не думаю, что полезно или хотя бы уместно принять тон, заданный Сомсом в его комментариях, – заявил он аудитории. – Философские разногласия не разрешаются путем навешивания на

соперников обидных ярлыков. Они разрешаются с помощью обоснованных аргументов, и я представлю такие аргументы...” Это заявление было встречено жидкими аплодисментами.

В какой-то момент кажущийся бесконечным подробный текстуальный и философский анализ, разворачиваемый Смитом, был прерван председателем секции Марком Ричардсом из Университета Тафта. Некоторые участники заседания тут же возразили против этого, требуя дать Смигу возможность говорить. Ричардс уступил, но в нарушение протокола он позволил Сомсу прокомментировать ответ на комментарий. (“Я почувствовал, что он действует по указке Сомса”, – заметил Смит позднее). “Если Маркус высказала эти идеи до Крипке, то как же получилось так, что в течение двадцати лет никто не заговорил об этом?”, – задал Сомс риторический вопрос. “Быть может, этот вопрос стоит задать женщине-философу?” – внезапно прозвучал голос, заставивший аудиторию на время замолкнуть.

Сегодня, год спустя (в 1995 г. - *Прим. перев.*), дело Крипке все еще актуально. Доклады, представленные на той конференции, включая комментарии и ответы на комментарии, были опубликованы в журнале “Синтез” (“Synthese”). И оба оппонента в настоящее время заняты оттачиванием своих аргументов в статьях, еще больших по объему, – у Смита самый большой набросок насчитывает 70 страниц. Между тем такие знаменитости в философском мире, как Элизабет Энском, Дональд Дэвидсон и Томас Нагель, подписали письмо, адресованное Американской философской ассоциации, в котором говорится, что заседание ассоциации не есть подходящее место для обвинений против представителей профессии, даже если обвинения могут быть правдоподобно аргументированы”. Письмо, опубликованное в официальном документе ассоциации, содержало требование, чтобы ассоциация принесла публичные извинения Крипке.

Философское сообщество раскололось на два лагеря, и то, кто в каком лагере оказался, зависело не только от убежденности относительно оригинальности высказанных идей и их принадлежности, но также и от отношения к Крипке как личности. В конце концов, он представляет собой тип человека, который не похож на остальных, будучи вечно погруженным в размышления, и который внушает скорее благоговение, чем симпатию. Экцентричность Крипке сделала его предметом слухов и сплетен. Даже те, кто восхищается его интеллектуальными достижениями, часто жалуются, что он вообразил себя этакого рода “полицейским” ана-

литической философии, высокомерно наказывая других философов за банальности и глупости. А теперь, по иронии судьбы, под подозрением оказался сам “офицер” Крипке.

Руфь Маркус отказалась обсуждать все это, правда, для того чтобы показать, что голос Смита не был гласом вопиющего в пустыне, она прислала мне десяток журнальных статей, опубликованных философами в последние несколько лет, где именно ей отдается приоритет в создании новой теории указания. В противоположность Маркус, Крипке не сдерживает себя в изъяснении своих оскорбленных чувств и озлобленности. “Во-первых, – заявляет он, – то, что говорит Смит, неправда, и, во-вторых, если бы это было правдой, за дело нужно браться более ответственно”.

Во всем этом деле присутствует какая-то озлобленность. Легко понять, когда кто-то позаимствовал у другого прозаическое произведение, – для этого нужно просто сравнить тексты. А вот опознание идей – гораздо более трудная штука. Когда нечто новое открыто и предлагается в ясном и четком виде, намеки на это восходят к корявым ранним текстам. Действительно ли новые идеи уже существовали где-то в неявном виде или же это проецирование нашего знания в прошлое? Действительно ли Оливер Хевисайд открыл формулу $E = mc^2$ до Эйнштейна? Действительно ли Ферма предсказал фундаментальную теорему анализа еще до Ньютона? Нельзя ли все прозрения Фрейда обнаружить в “Гамлете”?

Устрашающая сложность идей, вовлеченных в спор вокруг приоритета Крипке или Маркус, не делает легким прослеживание генеалогии этих идей. Хотя они по большей части относятся к философии языка, их глубокий источник кроется в модальной логике, в формальном исследовании различных модусов истины – необходимости и возможности, которыми могут обладать утверждения. Первыми модальную логику изучали Аристотель и схоласты, но их последователи отрицали ее важность. Возрождение модальной логики пришлось на начало XX в. и было связано с работами таких философов, как К.Льюис и Р.Карнап.

В 1940-х годах Руфь Баркан Маркус, в то время еще незамужняя аспирантка, пополнила аппарат модальной логики новыми формальными характеристиками, сильнейшим образом расширив ее философские следствия. А десятилетием позднее не достигший 20 лет вундеркинд Сол Крипке дополнил модальную логику тем, чего раньше в ней не было, а именно, интерпретацией, семантикой. Апеллируя к идее Лейбница о том, что действительный мир есть только один из огромного множества воз-

возможных миров – миров, в которых снег зелен, Крипке характеризует суждение как необходимо истинное, если оно справедливо для каждого возможного мира, и как возможно истинное, если оно справедливо для некоторого возможного мира. Затем Крипке доказал, что модальная логика является формально “полной” системой, – весьма впечатляющий результат, который был опубликован в “Журнале символической логики” (“Journal of Symbolic Logic”) в 1959 г., когда автору было 18 лет.

Вскоре после этого, в феврале 1962 г., Крипке присутствовал на ставшем ныне легендарным заседании факультетского клуба Гарвардского университета. На этом заседании Руфь Маркус представила доклад “Модальности и интенциональные языки”. Атмосфера была не слишком благосклонной для докладчика, поскольку гарвардские философы имели смутное представление о понятиях необходимости и возможности. Особенно это касалось комментировавшего доклад В.В.Куайна, который, по словам Маркус, верил в то, что современная модальная логика “погрязла во грехе”, смешивая употребление слова с его упоминанием.

Хотя большую часть своего доклада Маркус посвятила защите модальной логики от нападок Куайна, она коснулась также некоторых идей в области философии языка, которые начала развивать еще в середине 1940-х годов, когда работала над докторской диссертацией. Речь шла о соотношении собственных имен и объектов, на которые имена указывают. С начала XX в. общепринятая теория собственных имен, у истоков которой стояли Готтлоб Фреге и Бертран Рассел, заключалась в том, что каждое такое имя ассоциируется с кластером дескрипций, которые и составляют значение, или смысл имени. Референтом имени тогда является единственный объект, удовлетворяющий дескрипции. Согласно теории Фреге – Рассела, референт имени “Аристотель” должен быть единственным объектом, удовлетворяющим таким дескрипциям, как “учитель Александра Македонского”, «автор “Метафизики”» и т.д.

Если собственные имена на самом деле являются скрытыми дескрипциями, то они должны и вести себя как дескрипции во всех логических контекстах, включая контексты модальной логики. Но, как заметила Маркус, они просто не делают этого. Например, утверждение “Аристотель есть Аристотель” необходимо истинно, в то время как утверждение «Аристотель есть автор “Метафизики”» просто контингентно, поскольку вполне возможно вообразить себе такие обстоятельства, в которых Аристотель мог бы стать не философом, а пастухом. Подобного рода интуитивные соображения подсказали Маркус идею, что собственные имена не прикреплены к объектам посредством вмешательства дескрип-

тивного смысла. Скорее, они прямо указывают на свои носители, подобно бессмысленным ярлыкам. Если использовать старую терминологию Джона Стюарта Милля, то собственные имена имеют функцию денотации (обозначения), но не коннотации (соозначения).

Приведенное рассуждение, хотим мы того или нет, похоже на карикатуру на аргументацию Маркус, на самом деле почти отталкивающую из-за своей сложности и абстрактности. Неудивительно, что в дискуссии, которая развернулась на следующий день в Кембридже, Маркус, Куайн и молодой да ранний Крипке часто вмешивались в споры и задавали вопросы. Однако в ретроспективе ясно одно: Маркус использовала модальное размышление, для того чтобы подорвать традиционную теорию значения, и в этом смысле сделала шаг к новой теории указания. Десятилетиями позже эта теория расцвела пышным цветом в принстонских лекциях Крипке. Так представляла ли собой работа Маркус нечто большее, чем только что было о ней сказано?

Это был тот самый вопрос, над которым Квентин Смит стал размышлять зимой 1990 г., когда получил письмо от Маркус, с которой до этого не был лично знаком. В письме она сообщала, что ссылка в его статье на “теорию собственных имен Крипке – Донеллана” неточна в том отношении, что она, Маркус, тоже сыграла некоторую роль в запуске в оборот этой теории. (Кейт Донеллан – философ из университета Лос-Анжелеса, также занимавшийся разработкой новой теории указания.) Смит выглядит по-мальчишески, застенчив, говорит мягко. Он начал свою карьеру как феноменолог, но потом стал отступником и обратился в аналитическую веру. Судя по списку публикаций, он весьма плодовит и разносторонен: его недавнюю книгу “Язык и время” (издана в Оксфорде) один из рецензентов назвал “шедевром”; в печати находятся книга “Вопросы этического и религиозного значения” (Йель) и книга со скромным названием “Объяснение и вселенная” (Оксфорд). Но до своего появления в Бостоне этот человек был не особенно известен.

В то время, когда Смит получил письмо от Маркус, он как раз начал работу над объемной историей аналитической философии. Он перечитал работу Маркус “Модальности и интенциональные языки”, затем просмотрел ее ранние статьи. С 1990 по 1994 г. он напряженно пытался разобраться с тем, как соотносятся интеллектуальные достижения Маркус и Крипке. (Попробовав силы в Кембридже с Куайном и другими философами, Маркус распространила свои интересы на философскую логику и, кроме того, сделала в высшей степени интересную работу по теории

веры и природе моральных дилемм.) Смит начал с Маркус регулярную переписку, но, как он утверждает, не получил от нее подробных комментариев. Наконец он пришел к окончательному выводу: почти все ключевые идеи новой теории указания, т.е. та самая концепция Крипке, которая “поставила всю философию на уши”, в действительности принадлежат Маркус.

И вот год назад (в 1994 г. – *Прим. перев.*) Смит обнаружил этот сенсационный тезис на конференции Американской философской ассоциации. Он был удивлен, что организационный комитет принял доклад столь “необычного характера”, как он сам это определил. Детально проанализировав шесть главных идей, которые, по его мнению, были ошибочно приписаны Крипке и другим философам, он назвал две причины “широко распространенного заблуждения” относительно происхождения новой теории указания. Первая причина была довольно невинной: несмотря на то что Маркус считалась одним из пионеров в логике и философии языка, философское сообщество просто не уделяло достаточного внимания ее ранним работам. Вторая причина оказалась более скандальной. Сам Крипке не захотел признать, что соответствующие идеи принадлежат ей, причем не по злобе, а по бестолковости. Хотя молодой Крипке и присутствовал на знаменательной лекции Маркус, в то время он не понял ее идей, – по крайней мере, Смит вывел это из некоторых его замечаний, сделанных во время дискуссии. (В предисловии к своей работе “Именование и необходимость”, изданной в 1980 г., Крипке заметил, что большая часть его взглядов, представленных в книге, “была сформулирована в период с 1963 по 1964 г.”). С точки зрения Смита, только тогда Крипке сумел понять аргументы Маркус, так что ему потребовался год или два для того, чтобы на волне наступившего прозрения он поверил в свое авторство в отношении этих идей. “Я подозреваю, что такие случаи часто происходят в истории мысли и искусства”, – заключает Смит, мастерски смягчая остроту ситуации.

Защищая Крипке от “скандальных” и “тротескно неточных” обвинений, высказанных в его адрес Смитом, Скотт Сомс начал с того, что выразил Руфь Маркус свое уважение и восхищение (в 1970-х годах он работал вместе с ней в Йеле, где тогда преподавал, а недавно он участвовал в юбилейном сборнике в ее честь). Сомс подчеркнул, что его критика направлена только против Смита. Допуская, что Маркус все же нужно воздать должное за разработку некоторых положений новой теории указания, он настаивает на том, что “это никоим образом не умаляет плодотворной роли Сола Крипке”. Больше того, некоторые из идей, которые

Смит приписывает Маркус (например, идея о том, что собственные имена не эквивалентны дескрипциям), уже были сформулированы другими логиками, в частности Фредериком Фитчем. Впоследствии Сомс, возможно, пожалел об этом своем заявлении, поскольку именно оно позволило Смицу напомнить, что Фитч был руководителем Маркуса в 1943–1945 гг., когда она писала диссертацию, и в статье, которую Сомс забыл упомянуть, Фитч выражает признательность своей аспирантке за упомянутую идею.

Но такие явные удары редки. По большей части продолжающийся спор между Квентином Смитом и Скоттом Сомсом по поводу того, кто является истинным прародителем новой теории указания, содержит в себе весьма тонкие философские рассуждения. Возьмем хотя бы понятие твердости. “Твердый десигнатор” – это термин, который указывает на один и тот же индивид в каждом возможном мире. (“Бенджамин Франклин”, например, – это твердый десигнатор, а “изобретатель бифокальных очков” таковым не является). Словосочетание “твердый десигнатор” ввел в оборот Крипке, – в этом нет никаких сомнений. Однако Смит настаивает на том, что Маркус была одной из тех, кто первым пришел к этой концепции (приоритет в отношении слов установить легко, а вот ситуация с концепциями сложнее). Невозможно, возражает на это Сомс, ибо твердые десигнаторы предполагают более общее понятие референта термина в возможном мире, а у Маркуса не было в распоряжении достаточно богатого семантического аппарата для поддержки такого понятия. Двойная ошибка, парирует Смит. Маркус располагала не менее богатым семантическим аппаратом, чем Крипке, но такой аппарат и не был нужен для определения концепции твердого десигнатора. Все, что требуется в этом случае, – это основные элементы модальной логики и сослагательное наклонение. Именно этими средствами, добавляет Смит, и располагал Крипке при введении понятия твердого десигнатора в книге “Именование и необходимость”.

Это, пожалуй, самые безобидные из залпов, которыми обмениваются два оппонента (и Сомс, без сомнения, чувствует, что готов нанести ответный удар). Большая часть аргументации связана с техническими моментами, столь тонкими, что спор по поводу интерпретации текста “Улисса” по сравнению с их спором выглядит ученическим упражнением. Соберите жюри присяжных из профессиональных философов, и они, вероятно, так и не придут к выводу, кто прав: Сомс или Смит. Между тем обвинение столь же остро, сколь и серьезно. Если Смит прав, то Крипке теряет многое. Дело не только в том, что его

репутация основана на достижениях, на самом деле принадлежащих другому философу – женщине, которой отказано в большинстве мужских профессий. Крипке не сумел понять этого, потому что он с самого начала не понял теории. Для гения единственное, что хуже интеллектуального воровства, – это тупость.

К счастью, не вдаваясь в тонкости, кое-что в этих дебатах можно понять. В конце концов, жизнь коротка. Самое простое – это задать вопрос: что же в точности представляет собой новая теория указания? В качестве философского направления она может рассматриваться как реакция на некоторые ранние тенденции в аналитической философии XX в. Возродить богатое метафизическое понятие “возможные миры” и серьезно обсуждать интуиции в отношении этого понятия – значит показать нос логическим позитивистам, которые настаивали на том, что единственным осмысленным дискурсом может быть такое рассуждение, которое сверено с опытом из реального мира. Свободное использование экзотических инструментов модальной логики приводит к отказу от приземленных методов, применяемых философами обыденного языка и берущих начало в философии позднего Витгенштейна.

И все же самое главное, в чем новая теория указания пошла против традиционных философских доктрин, состояло в ее антиментализме, в отказе признать зависимость семантики от содержания сознания пользователей языка. Новая теория утверждала, что значения не находятся в голове, они коренятся в мире – в том мире, который описывается наукой. Этот антиментализм усматривается в том, что собственные имена указывают на объекты прямо, не говоря при этом об опосредующей роли умственных идей или дескрипций. Но на этом создатели теории не остановились. Они также утверждают, что многие существительные (слова типа “золото”, “тигр”, “тепло”) функционируют точно таким же образом. Следовательно, согласно новой теории, термины “естественных родов” не имеют определений в обычном смысле. Когда мы определяем, является ли, например, данный кусок вещества золотом, тяжесть, желтый цвет, ковкость, металлические свойства – все это несущественно. Это просто свойства феноменального плана, которые могли бы быть другими в другом возможном мире. Золотом вещество делает его атомная структура, которая, будучи одной и той же в различных возможных мирах, составляет его сущность. Конечно, то, что золото имеет атомный вес 79, было открыто относительно недавно, а до этого люди говорили о золоте, не имея

в своих головах идеи, в рамках которой золото отличалось бы от других элементов (большинство людей делают это до сих пор).

Если термины типа “Аристотель” и “золото” не привязываются к своим референтам значениями, обитающими в головах пользователей языка, то что все-таки проделывает эту работу? Новая теория указания утверждает, что эту работу делают причинные цепи. Термин впервые применяется к объекту в ситуации исходного “крещения” (скажем, актом указания) и затем причинно переходит на другие объекты через различного рода коммуникативные действия: разговор, чтение и т.д. Таким образом, мое нынешнее использование термина “Аристотель” – это последнее звено в причинной цепи, простирающейся назад во времени (и на восток в пространстве) к самому Стагириту.

Так что новая теория указания объемлет ряд поворотных идей, пересекающихся друг с другом. Когда новая теория только начала распространяться, Стив Шварц, редактор сборника статей “Именование, необходимость, и естественные роды” (“Naming, necessity, and natural kinds”, Cornell, 1977), представил надежную таксономию. Три основные черты новой теории, писал он, каждая из которых “прямо бросает вызов главным доктринам традиционного осмысления концепций значения и указания”, таковы: “собственные имена являются твердыми (указывают на одни и те же индивиды во всех возможных мирах); термины естественных родов подобны собственным именам в способе указания объектов; указание зависит от причинных цепей”.

Какие именно из этих трех частей теории разработаны Крипке? Смит допускает, что вторая и третья части, представленные Крипке в его лекциях, прочитанных в 1970 г. в Принстоне, “по-настоящему новые”. Идеи, происхождение которых оспаривается, содержатся в первой части, а именно, связаны с вопросом о твердости собственных имен. Так что Сомс, похоже, прав, когда утверждает, что хотя Руфь Баркан Маркус предвосхитила некоторые из этих идей, это не преумаляет “оригинальной роли” Крипке в создании новой теории указания. С этим склонны согласиться даже те философы, у кого имеются серьезные интеллектуальные разногласия с Крипке. “Вероятно, ни одна из этих идей не обязана одному лишь Крипке, да он никогда и не претендовал на это, – заявляет МакДжинн, философ из Университета Ратгерс. – Но Крипке был первым, кто придал этим идеям привлекательную форму, так чтобы люди, не являющиеся специалистами в логике, смогли оценить их значимость, и, кроме того, он вывел из этих идей следствия, которых не заметили другие”.

И все же надо признать, что Квентин Смит с блеском провел свое обвинительное исследование, в результате которого он посчитал, что подлинным создателем новой теории указания была Руфь Маркус, а не Сол Крипке. Следует заметить, что при этом он проявил завидную смелость. В самом деле, иногда кажется, что Смит продемонстрировал чрезмерное усердие, отдав приоритет Маркус не только относительно идей, которые у нее явно были в более или менее рудиментарном виде, но и относительно всех логических следствий, которые он сам достаточно искусно извлек из этих идей. Смит защищал свой труд как исследование в области истории современной философии, точнее, как беспристрастное представление философской аргументации, нацеленной на прояснение генеалогии важной теории. Если его исследование вызвало горячие споры, то данное обстоятельство имеет простое объяснение: это задевает живых, активно работающих философов.

Критики Смита не согласны с ним. Они считают, что с его стороны было неправильно затевать публичные дискуссии. В конце концов, если он напрямую и не обвинил Крипке в плагиате, он поднял очень деликатные вопросы – о профессиональной этике и о том, что творится в сознании Крипке. “Мне трудно вспомнить, о чем я думал тридцать лет назад”, – ответил мне Крипке, когда я спросил его об обвинении, высказанном в его адрес Смитом.

«Конечно, в 1962 году Руфь провозгласила, что собственные имена не синонимичны дескрипциям, – говорит он. – Некоторые идеи, которые я развил, были представлены у нее в зачаточном виде, и имелся значительный пробел в отношении естественного языка. Почти все, что она говорила в то время, мне уже было известно. Я знал о теории имен Милля и о расселовской теории собственных имен и смею надеяться, что, имея в своем распоряжении разработанную мною семантику для модальной логики, я сам смог бы увидеть следствия такой позиции и для модальной логики. Я определенно не мог подумать: “Ух ты, это очень интересно! Может быть, я поработаю в этом направлении”, – и я не уверен, что какой-то бессознательный вариант такой мысли обитал в моем сознании».

Хотя Крипке предпочел не отвечать Смитку публично, он все-таки подумывал о том, чтобы предпринять какие-то правовые действия против Американской философской ассоциации. И прошлой осенью он вышел из ее рядов. “Я помню, как моя жена (принстонский философ Маргарет Гильберт) вскрикнула, когда увидела реферат статьи Смита в трудах ассоциации”, – говорит Крипке. – Все это действительно было выдержано в пасквильных тонах. Программный комитет должен был

просмотреть сотни докладов, и у него не было достаточно времени на то, чтобы проверить, имеют ли под собой почву обвинения Смита. Мне приходило на ум подать судебный иск, но я не решился на это, потому что ответчиком должна была выступать ассоциация. Можете ли вы представить себе суд, который пытается решить эти технические вопросы в философии языка?”

Под конец Крипке сказал: “Я не думаю, что когда-либо поступал недобросовестно. Я просто как мог пытался сделать вклад в свою область. И несмотря на всю эту клевету, мне все равно”.

Самозащита Крипке в глазах многих его коллег выглядит убедительной. Но она также посеяла у них сомнения по поводу его репутации в философии. Является ли Крипке непревзойденным гением? Вундеркиндом, который никогда не воздавал должного другим? Карьера Крипке давила на его коллег. И легко видеть, почему.

Перечитывая немногие опубликованные работы Крипке – “Именование и необходимость”, “Виттгенштейн о правилах и личном языке”, – невозможно отделаться от приятного ощущения, которое они вызывают. За юмор, изящность, язвительную изобретательность, остроумие и блестящую оригинальность Крипке весьма ценят в кругу аналитических философов. И кроме того, он обезоруживающе откровенен. В одном месте в книге “Именование и необходимость” он бесцеремонно заявляет: «Действительно, предложения типа “Сократ называется Сократом” весьма интересны и можно потратить на анализ таких предложений, как бы это ни показалось странным, массу времени. Одно время я проделывал это. Однако сейчас я не буду этим заниматься. (Интересно, насколько высоким может быть прилив языка? Да и насколько низким он может быть?)».

Но Крипке не избегает споров. Его критика в адрес коллег может быть весьма резкой. И сам он получил сильнейший удар за свою книгу о Виттгенштейне, когда первое возбуждение сменилось отрицательной реакцией. Книги П.М.С.Хакера и Г.Бейкера “Скептицизм, правила и язык” (“Scepticism, rules, and language”, Blackwell, 1984) и К. МакДжинна “Виттгенштейн о значении” (“Wittgenstein about meaning”, Oxford, 1984) постепенно убедили многих философов, что интерпретация философии Виттгенштейна, представленная Крипке, ошибочна. “Первый раз, – заметил МакДжинн, – в его жизнь вкралась погрешность”.

Больше того, критики обвиняли Крипке в надменном игнорировании прогресса, достигнутого другими философами в разрешении пробле-

мы, над которой работал и он сам. Якко Хинтиikka, выдающийся философ, работающий в Бостонском университете и редактирующий журнал “Синтез”, заявил, что он решил опубликовать дискутирующие между собой статьи Смита и Сомса, потому что «это дает представление о постоянной особенности карьеры Крипке – особенности, которая повторяется вновь и вновь. Другой такой случай имел место, когда Крипке опубликовал свою интерпретацию виттгенштейновского “аргумента личного языка” без какого бы то ни было упоминания о весьма схожей работе, которую Роберт Фогелин опубликовал шестью годами ранее».

Хинтиikka имеет в виду представленное Крипке “скептическое решение” парадокса следования правилу, который был сформулирован Виттгенштейном. Фогелин, философ из Йеля, переехавший в Дартмут, опубликовал свою новую интерпретацию парадокса Виттгенштейна в книге “Виттгенштейн” (“Wittgenstein”, Routledge, 1976). Во второе издание этой книги он включил сноску на целых шесть страниц, где отмечается параллелизм его трактовки и той, которую дал Крипке. При этом Фогелин сделал упор на том, что его трактовка более полная.

«У меня нет сомнений в том, что Крипке действовал исходя из самых добрых побуждений, – продолжает Хинтиikka. – Он не присваивал ничьих чужих идей, по крайней мере, сознательно. Его можно обвинить лишь в колоссальной наивности и профессиональной незрелости. Подлинная вина за все это лежит на философском сообществе, которое из-за своего некритического, романтического взгляда на этого “одаренного ребенка” слишком быстро присуждало ему приоритет в отношении новых идей, одновременно отнимая этот приоритет у других. Вероятно, Крипке получал свои результаты независимо, но зачем же отдавать приоритет только ему?»

Другие философы согласны с тем, что “культ гения”, сотворенный вокруг Крипке, не принес ничего хорошего ни философии, ни самому Крипке. «В наше время большинство философов, памятуя о том, что они занимаются сухой по своему характеру работой, ощущают, что профессия нуждается в гении, который бы облек философию в романтическую форму, свойственную ей в XIX в., – утверждает Роберт Соломон, философ из Техасского университета, среди книг которого стоит упомянуть “О любви” (“On love”, Simon and Shuster, 1988). – Виттгенштейн был последним, кто считался гением. Он стал любимцем Кембриджского университета, и все студенты подражали его странной манере вести разговор и его невротическим жестам. После его ухода нам нужен был другой ге-

ний, и Крипке, с его эксцентричными привычками, о которых ходили легенды (некоторые из них вполне приятны, другие – отнюдь нет), протиснулся на эту роль. Ему столько потакали, столько его баловали, им столько восхищались, что можно только гадать, способен ли он отличить хорошее от плохого. Он, как *idiot-savant* (умственно отсталый человек, проявляющий незаурядные способности в какой-либо области), нуждается в защите».

Соломон также поднял вопрос гендерного характера. «Где все эти женщины-философы? – вопрошает он. – Сколько было в истории случаев, когда блестящему мужчине приписывали идеи, которые сперва были открыты блестящей женщиной?» (Когда я упомянул об этом в разговоре с Крипке, он возмущенно, дрожащим голосом, срывающимся на фальцет, воскликнул: «Не думаю, что кто-либо заявлял о том, что Роберт Фогелин женщина!».) Некоторые рецензенты сборника трудов Маркус «Модальности» (“*Modalities*”, Oxford, 1993) присоединились к Смиту, сетуя на то, что ее ранние работы в области философской логики были несправедливо проигнорированы, и провозгласили Маркус автором идеи прямого указания. Хотя вполне понятно, что большинство философов должны считать понятие “твердого десигнатора” мужским творением.

Прошло уже четверть века с тех пор, как Крипке взбудоражил англо-американский философский мир новой теорией указания, элементы которой были предвосхищены Руфь Маркус еще за четверть века до этого. Вопрос, поднятый Смитом, имеет существенное значение для истории идей. Но является ли новая теория указания в настоящее время ареной активного исследования? «Весьма и весьма, – утверждает Скотт Сомс. – Положения, представленные в “Именовании и необходимости”, сегодня невероятно авторитетны. Они все больше проникают в новые области философии сознания, помогая понять свойства веры и желания в объяснении поведения». Другие философы не согласны с такой оценкой. «В конце 70-х и начале 80-х годов журналы изобиловали статьями о философских аспектах модальной логики и их следствиях для понятий истины и указания, – говорит Барри Левер, философ из Университета Ратгерс, занимающийся философией ума. – Теперь они попросту исчезли”. Роберт Соломон желчно отозвался обо всем этом предприятии. “Когда люди начинают ссориться по поводу того, кто впервые выдвинул идеи, движение уже мертво, – утверждает он. – Весь этот вопрос о возможных мирах, твердых десигнаторах и естественных родах в ретроспективе приводит людей в замешательство. Он занимает квадратный миллиметр в квадратном сантиметре, составляющем часть узкой концепции фило-

софии языка, которая, свою очередь, есть небольшой клочок гектара философии.» («Да что он понимает в этом! – восклицает Крипке в ответ. – Он феноменолог.») Очевидно, что философский взгляд, неявно содержащийся в новой теории указания, не мог оказаться более неподходящим в современном более широком интеллектуальном мире. Вообразим себе этот ужасный взгляд: внешний мир *реален*, он полон объектов, которые не являются результатом социального конструирования, и эти объекты имеют *сущность*, а сущности открываются не поэтами или феноменологами, а учеными!

Последние десять лет (эти строки написаны в 1996 г. – *Прим. перев.*) о Крипке мало что было слышно. Помимо слухов, спекуляций и споров вокруг него в философском мире о нем почти ничего не знают. Когда я упоминал его имя литературным критикам, политологам и интеллектуалам из академической среды, не входящим в философское сообщество, обычно ответ был таким: «Крипке? О да, я слышал о нем. Это парень, который был на обложке “New York Times Magazine” тысячу лет назад». Люди, которые обсуждают философию Ричарда Рорти, вникая в мучительно трудные тонкости, не могут обнаружить ни одной идеи, даже косвенно связанной с именем Крипке. Имя немного сообщает об описании, которое можно придать объекту. Оно не имеет “фрегевского смысла”. Переживет ли имя Крипке свое время? Этот вопрос вызывает в памяти отрывок из “Именования и необходимости”:

«Возьмем в качестве примера Ричарда Фейнмана, которого многие из нас знают. Он является ведущим физиком-теоретиком. Каждый *здесь* (я уверен в этом!) может определить содержание одной из теорий Фейнмана до такой степени, чтобы отличить его от Гелл-Манна. Однако человек с улицы, не обладая такими способностями, все еще может использовать имя “Фейнман”. Когда его спросят об этом, он ответит: Фейнман был физиком или что-то вроде этого. Он даже может и не думать, что при этом выделяет конкретного человека. Я полагаю, что он использует имя “Фейнман” как имя для Фейнмана».

Подобным же образом, если новая теория указания истинна, ученый “с улицы” все еще может использовать имя “Крипке” для указания на Крипке, даже если все, что он может сказать, – это сказать: “Он философ или что-то вроде того”. А если новая теория указания ложна? Если имена эквивалентны дескрипциям? В этом случае, когда мы говорим о Крипке, мы говорим о создателе новой теории указания. И поэтому мы можем быть абсолютно уверены в том, что Квентин Смит ошибался, ибо то, что Крипке был создателем теории, является *необходимой* истиной. Только в некотором возможном мире под именем Крипке могла быть Маркус.